

Спасибо, старина Хэм

написано Movladi ABDOLAIEV | 26.01.2010

Эрнесту Миллеру Хемингуэю посвящается

Недавно в центре Грозного подходит ко мне улыбающийся молодой человек. Я не сразу узнал в нем своего бывшего соседа Рустама. Был он несколько лет назад худощавым юношей, что называется «ботаником», а теперь передо мной стоял человек весьма крепкого телосложения. Разительная перемена, ничего не скажешь. Рустам был очень впечатлительным юношей, совсем не тем, которые упорно занимаются спортом и добиваются в нем успехов. После первой войны, он заходил ко мне и просил какую-нибудь книгу почитать. Публичных библиотек в Грозном тогда практически не осталось, равно, как и частных, а чудом сохранившиеся мои книги скрашивали серые будни не одной юной души. Делать тогда молодежи было практически нечего, а читать все же лучше, чем по улицам бесцельно шататься. Рустам был одним из самых активных читателей. После начала второй войны я его не видел и вот, через семь лет, неожиданная встреча.

После дежурных слов приветствия, я не удержался и спросил Рустама, не тяжелой ли атлетикой он занялся, на что он смущенно улыбнулся и поведал свой рассказ:

«Не забыл, как ты мне книги разные давал читать? Ты помнишь, я был парнем не самым могучим, мягко говоря, и все время просил у тебя книги о сильных людях – как говорится, каждый тянется к тому, чего ему не хватает. Много книг я тогда хороших прочел, но больше всего меня поразила Хемингуэй, а точнее, его повесть «Старик и море». Там есть эпизод, когда старик в молодости в таверне Касабланки целые сутки напролет состязался в силе рук и в итоге победил могучего негра из Сьенфуэгоса – самого сильного человека в порту. Прочитанное произвело на меня такое сильное впечатление, что я увлекся армрестлингом.

Времени свободного было много, и я постоянно тренировался. Во

время второй войны поехал к родственникам в Москву. Положение было ужасным – денег не было, а жить на иждивении было невмоготу. И как-то, проходя мимо одного из многочисленных казино, увидел рекламу грядущего турнира по армрестлингу. Заглянул туда, а турнир оказывается коммерческий – без весовых категорий. Решил рискнуть, чтобы проверить свои силы, да и деньги нужны были.

Организаторы турнира, хоть состав участников и был сформирован, узнав, что я чеченец, сразу заявили меня. Правда, с большими сомнениями – я был намного легче остальных. В коммерческих соревнованиях, для привлечения зрителя, нужно было сделать хорошее шоу. А я, как раз, по уразумению организаторов, подходил для роли «мальчиша-плохиша». Был 2000 год, и усилиями средств массовой информации мнение российского обывателя о чеченцах было негативным. Перед моим первым выходом диктор громко и протяжно выкрикнул навязанный мне сценический псевдоним: «Злой чечен». Видел бы ты, как в зале стали меня освистывать – неприязнь людей была сильной. И я понимал, что это относится скорее не ко мне, а ко всем чеченцам в целом. Но, как ни странно, это придало мне дополнительных сил – хотелось переломить уж слишком несправедливую ситуацию. К тому же, если раньше я мысленно примерял на себя качества героя Хемингуэя, то теперь появился реальный шанс испытать себя в деле.

Мне удалось добиться своего – после трех выигранных единоборств появились и немногочисленные болельщики. А когда в полуфинале меня явно засудили – бывает в армрестлинге и такое – весь зал освистывал решение судей. Чемпионом в том первом турнире я хоть и не стал, но денег немного заработал, а главное понял такую важную для всех чеченцев штуку: предубеждение и негативное отношение к себе мы можем преодолеть, делая что-то полезное, связанное с трудом. А в спорте, в частности, не пролив изрядного количества пота, успеха не добиться, и люди это понимают.

Затем были и другие турниры, которые проходили в разных

казино, самые известные из которых «Метелица» и «Арлекин». Конечно, не очень приятно выступать перед богатой жующей публикой, которой неведомы наши проблемы. Но я зарабатывал себе на жизнь. К тому же, ломал превратное отношение к себе (а соответственно и ко всем чеченцам). А отношение российского обывателя к чеченцам, хоть и медленно, стало меняться. Я это почувствовал, когда мне придумали новое прозвище – «Чеченский барс» – образ чеченца-врага был уже не актуален. А промоутеры – эти «жучки», тонко реагируют на любые политические и социальные изменения».

По пути домой я прокручивал в голове монолог Рустама. Мысли были самые разнообразные. Как странно, думал я, что Эрнест Хемингуэй, хоть и косвенно, оказался причастен к материальному благополучию отдельно взятого чеченца. Ведь не напиши он свое бессмертное произведение, не прочитал бы его Рустам и не занялся бы под впечатлением от прочитанного спортом, а, следовательно, не зарабатывал бы себе на жизнь, попутно меняя представление о чеченцах хоть небольшой группы людей, от негативного отношения к терпимому, а затем и уважительному.

Я всегда любил произведения Эрнеста Хемингуэя, но никогда не думал, что буду когда-либо смотреть на них сквозь призму чеченского народа. В свете вышесказанного знаете, какой для нас самый актуальный роман Хемингуэя? «Прощай, оружие»...

Муслим Гапуев